

Любви
и
Дружбе

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская
литература»

Издательство
Детская литература

МОСКВА

1964

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

О любви
и дружбе

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ
РУССКИХ ПОЭТОВ XIX ВЕКА

Составил Д. Д. Благой

Вступительная статья
Д. Д. Благого
Примечания
В. л. Муравьева

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Такими ликующими строками о могучей и благотворной силе любви заканчивается одно из самых чудесных стихотворений русской и мировой поэзии — послание Пушкина к А. П. Керн.

Любовь и дружба — радостные, волнующие, возвышающие душу чувства, и этим они глубоко родственны между собой. Когда человек испытывает чувство большой, бескорыстной дружбы или большой, настоящей любви, то весь мир, все окружающее кажется ему лучше, светлее, прекраснее. И в самом человеке эти чувства пробуждают все самое лучшее, благородное.

В русской классической литературе, одной из самых гуманных, подлинно человеческих литератур мира, поэзия дружбы и любви представлена богато и бесконечно разнообразно.

В дореволюционное время, в условиях «века торгаша», как метко назвал Пушкин антигуманистический, бесчеловечный общественный строй старого мира, неспровергнутого Великим Октябрем, чувства любви и дружбы не всегда получали возможность для своего свободного, здорового, естественного развития. Нередко они мельчились, принижались, а то и прямо искажались, уродовались. Поэтому мы не раз встречаем в нашей поэзии XIX века тему страстного влечения к подлинной дружбе и подлинной любви и одновременно горькие жалобы на то, что их нет и, как казалось тогда, не может быть на свете.

Именно этим горестным, безнадежно печальным чувством проникнуто стихотворение Лермонтова «И скучно и

грустно» или стихотворение одного из самых замечательных русских критиков, революционного демократа Добролюбова «Пускай умру, печали мало».

«Ужасный век, ужасные сердца!» — такими словами заканчивает Пушкин свою маленькую трагедию «Скупой рыцарь». Слова эти прямо перекликаются со строкой «Памятника», где поэт назвал свое время «жестоким веком». И «ужасный», «жестокый век» действительно наносил тяжчайшие, порой смертельные удары по связывавшим между собою людей отношениям дружбы и любви.

Нередко друзья насильственно и навсегда разлучались. Вспомним казнь и ссылку в Сибирь на каторгу тех, кого Пушкин считал своими «братьями, друзьями, товарищами», — декабристов.

По старому — «домостроевскому» — семейному укладу считалось, что родители имеют право полновластно распоряжаться судьбой и счастьем своих детей. И вот горячо и беззаветно любящие друг друга юноша и девушка не могли соединить свои жизни, стать мужем и женой.

Потому-то так часто звучат скорбные мотивы вынужденной разлуки не только в народных песнях, но и в близких им, глубоко задушевных стихах-песнях Кольцова, в стихотворении Сурикова «Рябина», ставшем народной песней.

Случилось и так, что «жестокый век», «век торгаша» гнал женщину на улицу, вынуждал ее оскорблять и унижать свою женскую честь — чувства невесты, жены и матери.

Но истинная любовь и подлинная дружба торжествовали над грязью жизни. Благородным стремлением освободить «дитя несчастья» из пут порока, поднять, очистить, возродить ее любовью проникнуто стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья».

Высоко гуманистическая тема возрождения человека большой, искренней любовью является одной из постоянных тем русской поэзии XIX века, в которой мы находим так много стихов и о большой дружбе и о настоящей любви.

В нашем историческом прошлом мы встречаем ряд замечательных примеров и великой дружбы и великой любви. Образцом любви и верности на всю жизнь было чув-

ство Нины Грибоедовой к своему мужу, безвременно и трагически погибшему автору «Горя от ума», чувство, столь поэтически воспетое Полонским в его стихотворении «Н. А. Грибоедова».

Особенно прочными и благородными бывали отношения дружбы и любви, когда они возникали между людьми, которых объединяли общие передовые убеждения, между соратниками по великой борьбе за освобождение народа от его угнетателей.

Недаром мотив дружбы впервые с такой силой зазвучал в стихах Пушкина и его сверстников, спаянных между собой в крепкое, на всю жизнь, «братство» не только годами совместного ученичества, но и так называемым «лицейским духом» — передовыми, вольнолюбивыми идеями вави русского освободительного движения. Именно о такой братской дружбе и говорят стихотворения Пушкина и Кюхельбекера, посвященные дню 19 октября — годовщине основания Лицея. Измену другу Пушкин считал тягчайшим преступлением (стихотворение «Коварность»).

Восторженная клятва непримиримой борьбы с самодержавием и крепостничеством, которую дали на Воробьевых (ныне Ленинских) горах два русских мальчика — Саша Герцен и Ника Огарев, — стала началом крепчайшей дружбы, которая соединяла их в течение всей жизни, целиком посвященной этой борьбе.

Тема такой дружбы-товарищества, дружбы общего дела, общей борьбы проходит через всю поэзию Огарева; она же нашла замечательное выражение в «Былом и думах» Герцена.

Исключительный пример верной и преданной любви, любви-дружбы и благоговейного уважения к революционному подвигу любимого человека, явили жены декабристов, которые самоотверженно отказались от богатства, праздной, беззаботной, светской жизни и добровольно последовали за своими мужьями в Сибирь. Подвиг жен декабристов вдохновил Некрасова на создание одного из самых волнующих произведений русской литературы XIX века — поэмы «Русские женщины».

Героический, общественный пафос — высокие цели служения обществу и народу — составляет основную черту русской классической литературы. И, когда перед великими представителями ее возникала необходимость

выбора между личной любовью и любовью к родине, между своим счастьем и гражданским долгом, они мужественно и самоотверженно поступались своим, личным, во имя общественного, народного.

У первого же большого русского поэта XVIII века, Ломоносова, в «Разговоре с Анакреоном» есть такие строки:

Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Подобный же ответ давали в трудное и ответственное для родины время и Батюшков в стихотворном послании «К Дашкову», написанном под впечатлением от разоренной и опустошенной Наполеоном Москвы, и Рылев в стихотворении «Я не хочу любви твоей», написанном за год до восстания декабристов. По-ломоносовски решал вопрос о выборе между узколичным и интересами народа великий русский национальный поэт Пушкин.

Во второй половине XIX века в русской литературе явилась целая плеяда талантливых поэтов-лириков — Аполлон Майков, Полонский, Фет и другие. Однако в отличие от таких поэтов-современников, как Огарев, Михайлов, Некрасов, они равнодушно, а порой и враждебно относились к освободительному, революционному движению. Они выступали с проповедью так называемого «чистого искусства»; замыкались в тесный круг узколичных, интимных переживаний, воспевания природы, любви. И Майковым, и Полонским, и, в особенности, Фетом было создано немало прекрасных стихотворений о природе и любви. Но в целом их творчество оказалось крайне ограниченным, обедненным и, несмотря на их большой талант, не смогло даже в отдаленной степени приблизиться по своему значению к творчеству Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Глашатай самых передовых идей своего времени, великий поэт-гражданин Н. А. Некрасов был тонким ценителем прекрасного. Он восхищался поэтичностью многих стихов Фета. Но в своем программном стихотворении «Поэт и гражданин», написанном в один из особенно острых моментов освободительной борьбы, Некрасов обратил-

ся к поэту — стороннику «чистого искусства» — с полными укоризны словами:

...покуда

Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

В то же время борьба за освобождение народа была по существу своему и борьбой за человека, за наиболее полный и свободный расцвет человеческой личности. Поэтому в творчестве великих русских писателей личное и гражданское, как правило, не вступали в противоречие друг с другом, а, наоборот, образовывали нечто целостное и единое.

Проникновенные стихи о больших человеческих чувствах, о дружбе и любви писали не только мало связанные с общественно-политической жизнью и борьбой предшественники и литературные учителя Пушкина — Жуковский, Батюшков — и сверстники Пушкина — Дельвиг, Баратынский и другие. Писали их и знаменитый партизан войны 1812 года Денис Давыдов и поэты-декабристы. Писали их поэты, члены революционного кружка Петрашевского — С. Ф. Дуров, приговоренный в 1849 году царским правительством к смертной казни, замененной ему ссылкой на каторгу, и его соратник — А. Н. Плещеев; писал революционный демократ М. Л. Михайлов, умерший на каторге в Сибири.

С наибольшей силой личные и гражданские мотивы взаимно проникают друг в друга в откликающемся на «все впечатления бытия» творчестве Пушкина. Восславивший свободу «вслед Радищеву», автор «вольных стихов», певец декабристов Пушкин горячо воспевал «и дружбу и любовь». При этом «прекрасные порывы» поэта-гражданина, поэта-патриота — служение отчизне и «вольности святой» — обретали в его стихах всю силу, весь пламень страстного личного чувства:

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья.

В то же время личное чувство — любовь к прекрасной женщине — в пушкинских стихах было исполнено такой поэтической правды, искренности и чистоты, что оно не только отражало интимные переживания поэта, но и являлось прямым вызовом «железному веку», «веку торгаша» — тому общественному строю, основанному на насилии, угнетении, лжи, фальши, лицемерии, с которым Пушкин непосредственно боролся в своих гражданских стихах.

Воплощением высокой и подлинной человечности, «селеющей душу гуманности» (Белинский), глубины мысли, красоты и благородства чувств является весь облик Пушкина, каним он возникает перед нами из его лирических стихов, и в особенности из его стихов о любви и дружбе.

Этот облик великого родоначальника русской литературы наложил свою печать на всю русскую лирику XIX столетия. Замечательные образцы ее помогают воспитывать в человеке Человека с большой буквы. Они поднимают чувства любви и дружбы на ту чудесную высоту, которой в прежнее время способны были достигнуть немногие — лучшие, избранные, мечтатели, поэты, — высоту, которая в создаваемом нами новом, коммунистическом обществе должна стать достоянием каждого.

Д. Благой

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый ¹:
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О дружба, это ты!

К Н Е Й

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы об тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

¹ Пояснения отдельных слов и имен помещены в конце книги, в примечаниях.

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный. —
В сердце, как тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

ВОСПОМИНАНИЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностью: *были*.

К ДАШКОВУ

Мой друг! я видел море ала
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;

И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! Талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчины край златой!
Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагом сомкнутом строем, —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость, шумная в вине!

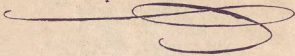

МОИ ГЕНИЙ

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся влася.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

А.С. ПУШКИН

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

КОВАРНСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Отвѣтствуетъ извѣтельнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змеи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презреньемъ головою, —
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ в прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затаенливо извилъ
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженъ;
Но если самъ презренной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цепь ему накинулъ ты
И сонного врагу предалъ со смехомъ
И онъ прочелъ въ немой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ, —
Тогда ступай, не трать пустыхъ речей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви! прощай: она велѣла.
Какъ долго медлилъ я! какъ долго не хотѣла
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, часъ насталъ. Гори, письмо любви.
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои приемлетъ...
Минуто!.. вспыхнули! пылаютъ — легкий дымъ.
Виясь, теряется съ моленьемъ моимъ.

Уж перстия верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя;
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: «Скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?»
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье;
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

19 ОКТЯБРИ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого недосчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальные нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечтались тебе;

Ты простира́л из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

* Дру́зья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгий;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главою поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнился — но поздно! и уныло
Глядим назад: следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,

Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признание чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей:
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редее;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Доучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пусть же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

* * *

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

ПОСЛАНИЕ В СИБИРЬ

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвись, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: «Как *вы* милы!»
И мыслю: «Как *тебя* люблю!»

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: «Прости»,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

* *

*

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локоп золотой.

Ц В Е Т О К

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

* *

*

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Э Л Е Г И Я

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

П Р О Щ А Н И Е

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя всё, меняя нас —
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдевшая супруга,
Как друг, объявший молча друга
Пред заточением его.

* *
*

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

* * *

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы среди пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух среди нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле.
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвит милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

* *
*

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

Ч

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ К ОНЕГИНУ

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз,
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить и потом
Всё думать, думать об одном
И день, и ночь до новой встречи.

Но говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блещим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой улаживала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?

Кто ты, мой ангел ли хранитель
Или коварный искушитель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

ПИСЬМО ОНЕГИНА К ТАТЬЯНЕ

Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встрети,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою посылаю свободу
Я потерять не захотел.

Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастьем. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, слезы,
Все, все, что выразить бы мог,

А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

* * *

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений;
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим,
Я незнаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь теперь нужна,
Занятя нужны мне иные,
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

19 ОКТЯБРЯ 1836 ГОДА

Шумит поток времем. Их темный вал
Вновь выплеснул на берег жизни нашей
Священный день, который полной чашей
В кругу друзей и я торжествовал...
Давно... Европы страж — седой Урал,
И Енисей, и степи, и Байкал
Теперь меж нами. На крылах печали
Любовью к вам несусь из темной дали —

Помянки нашей юности — и я
Их праздновать хочу. Воспоминанья!
В лучах дрожащих тихого мерцанья
Воскресните! Предстаньте мне, друзья!
Пусть созерцает вас душа моя,
Всех вас, Лицея нашего семья!
Я с вами был когда-то счастлив, молод, —
Вы с сердца свесте туман и холод.

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его золотые струны
Рокочут... Пушкин, Пушкин! это ты!

Твой образ — свет мне в море темноты;
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Как пил и ты, уединен, кручину.

Тогда и ты, как некогда Назон,
К родному граду простирал объятья;
И над Невой затрепетали братья,
Услышав гармонический твой стон.
С седого Пейпуса, волшебный, он
Раздался, прилетел и прервал сон,
Дремоту наших мелких попечений, —
И погрузил нас в волны вдохновений.

О брат мой! много с той поры прошло,
Твой день прояснел, мой покрылся тьмою;
Я стал знаком с Торкватовой судьбою.
И что ж? опять передо мной светло:
Как сон тяжелый, горе протекло;
Мое светило из-за туч чело
Вновь подняло — гляжу в лицо природы:
Мне отданы долины, горы, воды.

О друг! хотя мой волос поседел,
Но сердце бьется молодо и смело.
Во мне душа переживает тело,
Еще мне божий мир не надоел.
Что ждет меня? Обманы наш удел,
Но в эту грудь вонзилось много стрел;
Терпел я много, обливался кровью:
Что, если в осень дней столкнусь с любовью?

М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою и страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;

В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ ПУШКИНА

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
Но — лишь оковы обрели.

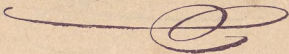
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя, —
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она пагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы.

А.А.БЕСТУЖЕВ-МАРАИНСКИЙ

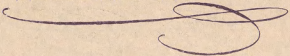
* *
*

Я за морем синим, за синею далью
Сердце свое схоронил.
Я тоской о былом, ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимой сталью,
Грудь от людей заградил.

И крепок мой сон. Не разбит, не расколот
Щит мой. Но в мраке ночей
Мнится порой, расступился мой холод
И снова я ожил, и снова я молод
Взглядом прелестных очей.

8

ДЕНИС ДАВЫДОВ

И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Море вост, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

Молодая, золотая
Предвещательница дня,
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!

ВАЛЬС

Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой неволью,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,
Летит, воздушна и стройна,
Моя любовь, моя харита,
Виновица тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

* *

*

Унеслись невозвратимые
Дни тревог и милых бурь,
И мечты мои любимые,
И небес моих лазурь.

.
Не глядит она, печальная,
На пролет надежд моих,
Не дрожит слеза прощальная
На ресницах молодых!

К НЕЙ

Ты — светлая звезда таинственного мира,
Когда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,
Где ждут меня мечты, согретые тобой.

Ты — облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе
Иль измеряю путь, который нам назначен
И где судьба моя чужда твоей судьбе.

Ты — тихий сумрак мой, которым грудь свежест,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум и сердце вечереет,
И тени смертные нисходят на меня.

ДРУЗЬЯМ

Я нью за здоровье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.

Я пью за здоровье далеких,
Далеких, но милых друзей,
Друзей, как и я, одиноких
Средь чуждых сердцам их людей.

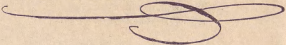
В мой кубок с вином льются слезы,
Но сладок и чист их поток;
Так с алыми — черные розы
Вплелись в мой застольный венок.

Мой кубок за здравье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней;

За здравье и ближних далеких,
Далеких, но сердцу родных,
И в память друзей одиноких,
Почивших в могилах немых.

А. А. ДЕЛЬВИГ

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Сонет

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе идти к Парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с Каменной сладкогласной.

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, благодаря богам,
Я им влеком к возвышенным певцам
С какою-то любовью пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил.
Певца *Пиров* я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье.

РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала: люблю,
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Ты был открыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечный
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла;
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран
И света и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье,

Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и, быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошенчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.

ДЕЛЬВИГУ

Дай руку мне, товарищ добрый мой,
Путем одним пойдем до двери гроба,
И тщетно нам за грозною бедой
Беду грозней пошлет судьбины злоба.
Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал, — ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой.
Ты ввел меня в семейство добрых муз;
Деля досуг меж ими и тобою,
Я ль чувствовал ее свинцовый груз
И перед ней унизился душою?
Ты сам порой глубокую печаль
В душе носил, но что? не мне ли вверить
Спешил ее? И дружба не всегда ль
Хоть несколько могла ее умерить?
Забытые фортуною слепой,
Мы ей назло друг в друга все имели
И, дружества твердя обет святой,
Бестрепетно в глаза судьбе глядели.
О! верь мне в том: чем жребий ни грозит,
Упорствуя в старинной неприязни,
Душа моя не ведает боязни,
Души моей ничто не изменит!

Так, милый друг! позволят ли мне боги
Ярмо забот сложить когда-нибудь
И весело на светлый мир взглянуть,
По-прежнему ль ко мне пребудут строги,
Всегда я твой. Судьей души моей
Ты должен быть и в вѣдро и в ненастье.
Удвоишь ты моих счастливых дней
Неполное без разделенья счастье;
В дни бедствия я знаю, где найти
Участие в судьбе своей тяжелой;
Чего ж робеть на жизненном пути?
Иду вперед с надеждою веселой.
Еще позволь желание одно
Мне произнестъ: молюся я судьбине,
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,
Чем для меня ты стал уже давно.

РАЗМОВКА

Мне о любви твердила ты шутя
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелен; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? печальной доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

ОНА

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты — и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой, —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

С. Л. ЭНГЕЛЬГАРДТ

Нежданное родство с тобой даруя,
О, как судьба была ко мне добра!
Какой сестре тебя уподоблю я,
Ее рукой мне данная сестра!

Казалось, любовь в своем пристрастьи
Мне счастье дала до полноты;
Умножила ты дружбой это счастье,
Его могла умножить только ты.

* *

*

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я принимал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

Спеша на север из далёка,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит.
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засынь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

К И Н Ж А Л

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты даи мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

* *
*

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

* *
*

Как небеса твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.

Она поет — и звуки тают
Как поцелуй на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКОГО

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений...

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный, —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!

Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и среди пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мнения,
И думы — все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь унесит;
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда? Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:

Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей стени —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

* *
*

1-е Января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забиться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплачешь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

* *

*

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея.
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленая,
Темный дуб склонялся и шумел.

ПЕСНЯ

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огонь
Разольется в груди.

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что́,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что́ сказать, не сыщу.

А лобзаньям твоим,
И восторгам живым
На земле, у людей,
Выражения нет!

Дева — радость души!
Это жизнь — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

ПЕСНЯ

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вину я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее, ночью, мне
Месяц сумрачен;
Среди дня, без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласнай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце танишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу;
Поклонюсь родной;
И согласие возьму
Обвенчаться с тобой.

Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой;
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!

Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей!

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимнюю ночь коротать,
Друга жаркой рукой
К груди прижимать, —

Поутру, на заре,
Обнимать-проводжать,
Вечерком, у ворот,
Его вновь поджидать!

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет;
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-травы — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, стой! дай время мне
Задуть грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не весна тогда
Жизнью веяла,
Не трава в полях
Зеленелась;

Не заря с небес
Красовалась,
Не луна на нас
Любовалась!

Нет! под холодом,
Под туманами,
Ты в объятьях жгла —
Поцелуями!

Ночи темные,
Ночи бурные
Шли, как облачки,
Мимо солнышка.

Вьюги зимние,
Вьюги шумные
Напевали нам
Песни чудные;

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили в край —
Заколдованный!

РУССКАЯ ПЕСНЯ

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути — без света —
Свою долю сыщет.

Что ему дорога!
Тучи громовые!
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит —
Она, молодая!

РОЗА И КИПАРИС

Сказала весенняя Роза:
«Скажи, Кипарис молодой,
Зачем ты зеленой верхушкой
Печально повис надо мной?» —
«Затем, — отвечал он, — чтоб солнце
Тебя опалить не могло
И лучше в тени очертилось
Твое молодое чело...»

ПОРТРЕТ

Он не приветлив, но ему
Ты можешь вверить сердца тайны,
Он их не выдаст никому,
Не кинет на ветер случайно...

Он не приветлив, но, когда
Заметит след тоски во взоре,
Он первый встретит вас тогда,
И первый он разделит горе.

Он не приветлив, но зато,
Когда полюбит он однажды,
Он не разлюбит — ни за что,
А это сделает не каждый...

* *
*

Жаркое чувство любви ненадолго в душе остается:
Только что вспыхнет оно и угаснет сейчас же. Но пепел
Этого чувства души возрождает в нас новое чувство:
Дружбу, которая нам никогда и ни в чем не изменит.
Так из простого цветка образуется осенью поздней
Плод, услаждающий вкус, обонянье и взгляд человека.

* *
*

Смотришь порой на нее, а мечтается—смотришь на небо:
Так у ней ясно чело и так очи на звезды похожи!

* *
*

С невыразимым наслажденьем,
С невыразимою тоской
Слежу за речью, за движеньем,
За взглядом, кинутым тобой.

Мне сладко верить, что судьбою
Тебе проложен светлый путь,
Что радость встретится с тобою
Когда-нибудь и где-нибудь...

Но грустно то, что, может статься,
Идя с тобой путем иным,
Мне поневоле не удастся
Упитаться счастьем твоим.

Так иногда под небо юга,
В благословенный теплый край,
Нам проводить приятно друга,
Но горько вымолвить: прощай!

* * *

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам.

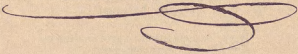
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И, верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

Н. П. ОГАРЕВ

SERENADE.

Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу легкою стопою
Ты приди, друг мой.
При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о друг мой милый,
Не услышит нас.
Слышишь, в роще зазвучали
Песни соловья;
Звуки их полны печали,
Молят за меня.
В них понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводят умиление
На душу они.
Дай же доступ их призыванью
Ты душе своей
И на тайное свиданье
Ты приди скорей!

КРЕЙЦНАХ. 8 АВГУСТА

(Брату Сатину)

Вчера на горе мы два друга блуждали,
Блуждали в полуночный час;
Зеленые дубы уныло шептали,
Качая ветвями вокруг нас.

Внизу под туманом, ложася широко,
Долина при бледной луне
Дремала спокойно, а волны потока
Шумели в ночной тишине.

Вчера на горе мы два друга блуждали,
Блуждали в полуночный час,
И сердца надежды, и сердца печали
Таилися в каждом из нас.

Под дуб одинокий тревожно мы сели
И долго молчали в тиши,
И долго промолвить уста не хотели
Святыню и скорби души.

Друг друга невольно к груди мы прижали,
И канули слезы из глаз,
И стало нам легче, и все мы сказали,
Что на сердце было у нас.

Какие нас в жизни ни встретили б грозы,
Мы врозь или вместе пойдем, —
Слова задушевные, теплые слезы
Мы вспомним и легче вздохнем.

И было так тихо душе и глубоко,
Как шли мы домой при луне...
А дуб все шептал, и волны потока
Шумели в ночной тишине.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и ясмина
Благоухал в саду твоём;
В кустах прибережных влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немые и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука — пожатия руки.

Пусть этот сон мне жизнь сменила
Тревогой шумной пестроты;
Но память верно сохранила
И образ тихой красоты,
И сад, и вечер, и свиданье,
И негу смутную в крови,
И сердца жар и замиранье —
Всю эту музыку любви.

ПЕРВАЯ ДРУЖБА

Я помню отрока с кудрявой головой,
С большими серыми и грустными глазами...
Тропой росистой мы шли с горы крутой,
В тумане за рекой был город перед нами.

И дальний колокол кого-то звал к молитве;
А мы, обнявшись, при утренней деннице,
Мы дружбы таинство поведали себе,
И чистая слеза блеснула на реснице.

Расстались мы детьми... Не знаю, жив ли он...
Но дружбы первый миг храню я и доньше
В воспоминании — как мой весенний сон,
Как песнь сердечную, подобную святыне.

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась,
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепелась,
И путь означен жизни всей.

Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое название в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду молодого поколения,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погоны,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.

Но образ смерти благородный
Не смоем грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

К***

Через поля к холмам тенистым
Промчался ливень... Небо вдруг
Светлеет... Блеском водянистым
Блестит зеленый, ровный луг.
Гроза прошла... Как небо ясно!
Как воздух звучен и душист!
Как отдыхает сладострастно
На каждой ветке каждый лист!
Оглашено вечерним звоном
Раздолье мирное полей...
Пойдем гулять в лесу зеленом,
Пойдем, сестра души моей.
Пойдем, о ты, мой друг единый.
Любовь последняя моя,
Пойдем излучистой долиной
В немые, светлые поля!
И там, где жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдет, пылая,
Над успокоенной землей, —
Позволь сидеть мне молчаливо
У ног возлюбленных твоих...
Позволь руке твоей стыдливо
Коснуться робких губ моих.

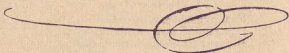

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты, с веселостью беспечной,
Счастливым провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда.

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня,
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой.

* *

*

Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла, —
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там на западе бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье!

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Ч

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали,
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О как все это я любила!»

* * * * *

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глухих сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

О чем, в тиши ночей, таинственно мечтаю,
О чем, при свете дня, всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветреный, услада дней моих,
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном молчаньи
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чье имя я твержу.

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку
Или с плеч катились прямо под снуровку...

Помнишь — как все тише смех наш становился...
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи хмурия...
Благодатный дождик! золотая буря!

Люблю, если, тихо к плечу моему головой
прислонившись,
С любовью ты смотришь, как, очи потупив, я
думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно, проникнут тобою,
Я очи к тебе обращаю и с твоими встречаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, как будто бы в
сладком молчаньи
Мы мыслью сошлись и много сказали улыбкой и взором.

* *
*

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю!

* *
*

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь —
Не верь себе! сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь;

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой тебя привлечь он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог;

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подойдет.

* *

*

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твоя покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

* *

*

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновение...

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Смеркалось, жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, по-прежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час.

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

* *
*

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И вечер тих;
Когда невольно просится певучий
Из сердца стих;
Когда упрек мне шепчет шелест нивы
Иль шум дерев;
Когда кипит во мне нетерпеливо
Правдивый гнев;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелых туч;
Когда вдали мелькнет передо мною
Надежды луч;
Средь суеты мирского развлечения,
Среди забот,
Моя душа в надежде и в сомненьи
Тебя зовет;
И трудно мне умом понять разлуку,
Ты так близка,
И хочет сжать твою родную руку
Моя рука!

* *
*

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовью сгорая,
Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,
О выйди, Нисета,
Скорей на балкон!
От Севильи до Гренады,
В тихом сумраке ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;

Много крови, много песней
Для прелестных льется дам —
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!

От лунного света
Горит небосклон,
О выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

* *
*

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

* * *

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовью своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше правится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локоп вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

ЛИЦЕНСТАМ

(Застольная песня)

Собрались мы всей семьей —
И они, кого не стало,
Вместе с нами, как бывало,
Неотлучною душой!

Тени милые! Вы с нами!..
Вы, небесными лучами
Увенчав себе чело,
Здесь присуши всем собором
И поете братским хором
Нам про Царское Село, —

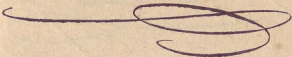
Где, маститой тайны святы,
Встали древние палаты,
Как немой завет веков;
Где весь божий мир — в картинах;
Где, «при кликах лебединых»,
В темной зелени садов,

Словно птички голосисты,
Распевали лицеисты...
Каждый был тогда поэт,
Твердо знал, что май не долог
И что лучше царскоселок
Никого на свете нет!

Помянем же мы, живые,
За бокалами дружней
И могилы, нам святые,
И бессмертный наш лицей!..

КАРОЛИНА ШАВЛОВА

10-го НОЯБРЯ 1840

Среди забот и в людной той пустыне,
Свои мечты покинув и меня,
Успел ли ты бывшее вспомнить ныне?
Заветного ты не забыл ли дня?
Подумал ли, скажи, ты ныне снова,
Что с верою я детскою, в оный час,
Из рук твоих свой жребий взять готова,
Тебе навек без страха обрелась?
Что свят тот миг пред божьим провиденьем,
Когда душа, глубоко полюбя,
С невольным скажет убежденьем
Душе чужой: я верую в тебя!
Что этот луч, ниспосланный из рая, —
Какой судьба дорогой ни веди, —
Как в камне искра спит живая,
В остылой будет спать груди;
Что не погубит горя бремя
В ней этой тайны неземной;
Что не истлеет это семя
И расцветет в стране другой.
Ты вспомнил ли, как я, при шуме бала,
Безмолвно назвалась твоей?
Как больно сердце задрожало,
Как гордо вспыхнул огонь очей?
Вносясь над всей тревогой света,
В тебе, хоть жизнь свое взяла,
Осталась ли минута эта
Средь измененного цела?

ИЗ БУРДИЛЬЁНА

Ночь смотрит тысячами глаз,
А день глядит одним;
Но солища нет — и по земле
Ночь стелется, как дым.

Ум смотрит тысячами глаз,
Любовь глядит одним;
Но нет любви — и гаснет жизнь,
И дни плывут, как дым.

НОЧЬ В КРЫМУ

Помнишь лунное мерцанье,
Шорох моря под скалой,
Сонных листьев колыханье,
И цынцырны¹ стрекотанье
За оградой садовъй;

В полумгле нагорным садом
Шли мы, — лавр благоухал;
Грот чернел за виноградом,
И бассейн под водопадом
Переполненный звучал;

¹ Цынцырна — татарское слово, то же, что цикада. (Примеч. автора.)

Помнишь свежее дыханье,
Запах розы, говор струй —
Всей природы обаянье,
И невольное слиянье
Уст в неожиданный поцелуй.

Эта музыка природы,
Эта музыка души
Мне в иные, злые годы,
После бурь и непогоды,
Ясно слышалась в тиши.

Я внимал — и сердце грелось
С юга веющим теплом, —
Легче верилось и целось...
Я внимал — и мне хотелось
Этой музыки во всем...

УЗНИЦА

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

Спать не дает, оттого что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я — своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд вперед...

Что мне она — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

Н. А. ГРИБОЕДОВА

1

Не князь, красавец молодой,
Внук иверских царей,
Был сокровенною мечтой
Ее цветущих дней.
Не вождь грузинских удалцов, —
Гроза соседних гор, —
Признаньем вынудил ее
Потушить ясный взор.
Не там, где слышат валуны
Плеск Алазанских струй¹,
Впервые прозвучал ее
Заветный поцелуй.
Нет, зацвела ее любовь
И расцвела печаль
В том жарком городе, где нам
Прошедшего не жаль...
Где грезится сазандарам²
Святая старина,
Где часто музыка слышна
И веют знамена.

¹ Алазань — река в Кахетии. (Примеч. автора.)

² Сазандар — грузинский народный певец. (Примеч. автора.)

В Тифлисе я ее встречал...
 Вникал в ее черты:
 То — тень весны была, в тени
 Осенней красоты.
 Не весела и не грустна, —
 Где б ни была она,
 Повсюду на ее лице
 Царила тишина.
 Ни пышный блеск, ни резвый шум
 Полночных балов,
 Ни барабанный бой, ни вой
 Охотничьих рогов,
 Ни смех пустой, ни приговор
 Коварной клеветы,
 Ничто не возмущало в ней
 Таинственной мечты;
 Как будто слава, отразясь
 На ней своим лучом,
 В ней берегла покой души
 И грезы о былом, —
 Или о том, кто, силу зла
 Изведав, завещал
 Ей всепрощающую скорбь
 И веру в идеал...

3

Я помню час, когда вдали
 Вершин седые льды
 Румянцем вспыхнули и тень
 С холмов сошла в сады,
 Когда Метех ¹, с своей скалой,
 Стоял как бы в дыму,
 И уходил сионский крест ²
 В почву полутьму.

¹ Замок и острог в Тифлисе. (Примеч. автора.)

² Крест Сионского собора, самой большой церкви в Тифлисе.
 (Примеч. автора.)

Она сидела на крыльце
С поникшей головой,
И, помню, кроткий взор ее
Увлажнен был слезой.
О незабвенной старине
Намек нескромный мой
Смутил ее больной души
Таинственный покой.
И мне казалось, в этот миг
Я у нее в глазах
Прочел ту повесть, — что прошла
Тайком в ее мечтах:

.

4

«Он русским послан был царем,
В Иран держал свой путь
И на пути заехал к нам
Душою отдохнуть.
Желанный гость — он принят был,
Как друг, моим отцом;
Не в первый раз входил он к нам
В гостеприимный дом;
Но не был весел он в тени
Развесистых чинар,
Где на коврах не раз нам пел
Заезжий сазандар;
Где наше пенцлось вино,
Дымился наш кальян,
И улыбалась жизнь гостям
Сквозь радужный туман;
И был задумчив он, когда,
Как бы сквозь тихий сон,
Пронизывался лунный свет
На темный наш балкон;
Его горячая душа,
Его могучий ум
Влачили всюду за собой
Груз неотвязных дум.

Напрасно север ледяной
Рукоплескал ему,
Он там оставил за собой
Бездушную зиму;
Он там холодные сердца
Оставил за собой,
Лишь я одна могла ему
Откликнуться душой...
Он так давно меня любил,
И так был рад, — так рад,
Когда вдруг понял, отчего
Туманится мой взгляд...

5

И скоро перед алтарем
Мы с ним навек сошлись...
Казалось, праздновал весь мир,
И ликовал Тифлис.
Всю ночь к нам с ветром долетал
Зурны тягучий звук,
И мерный бубна стук, и гул
От хлопающих рук.
И не хотели погасать
Далекие огни,
Когда, лампаду засветив,
Остались мы одни.
И не хотела ночь унять
Далекой пляски шум,
Когда с души его больной
Скатилось бремя дум,
Чтоб не предвидел он конца
Своих блаженных дней
При виде брачного кольца
И ласковых очей.

6

Но час настал: посол царя
Умчался в Тегеран.
Прощай, любви моей зари!
Пал на сердце туман...

Как в темноте рассвета ждут,
Чтоб страхи разогнать,
Так я ждала его, ждала, —
Не уставала ждать...
Еще мой верующий ум
Был грезами повит,
Как вдруг... вдруг грянула молва,
Что он убит... убит!..
Что он из плена бедных жеп
Хотел мужьям вернуть,
Что с изуверами в бою
Он пал, пронзенный в грудь.
Что труп его — кровавый труп —
Поруган был толпой,
И что скрипучая арба
Везет его домой¹.
Все эти вести в сердце мне
Со всех сторон неслись...
Но не скрипучая арба
Ввезла его в Тифлис, —
Нет, осторожно между гор,
Ущельи и стремнин
Шесть траурных коней везли
Парадный балдахин;
Сопровождали гроб его
Лавровые венки,
И пушки жерлами назад,
И пики, и штыки;
Дымилась факелы, и гул
Колес был эхом гор,
И память вечную о нем
Пел многолюдный хор...

И я пошла его встречать,
И весь Тифлис со мной
К заставе эриванской шел
Растроганной толпой.

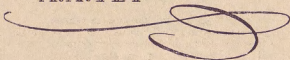
¹ Записки А. С. Пушкина, т. 5, стр. 76. Изд. Анненкова.
(Примеч. астора.)

На кровлях плакали, когда
Без чувств упала я...
О, для чего пережила
Его любовь моя!

7

И положила я его
На той скале, где спит
Семья гробниц и где святой
Давид их сторожит;
Где раньше, чем заглянет к нам
В окошки алый свет,
Заря под своды алтаря
Шлет пламенный привет;
На той скале, где в бурный час
Зимой, издалека
Причалив, плачут по весне
Ночные облака;
Куда весной, по четвергам,
Бредут на ранний звон,
Тропинкой каменной, в чадрах,
Толпы грузинских жен.
Бредут, нередко в страшный зной,
Одни — просить детей,
Другие — воротить мольбой
Простывших к ним мужей...
Там, в темном гроте — мавзолее,
И — скромный дар вдовы —
Лампадка светит в полутьме.
Чтоб прочитали вы
Ту надпись и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горя: горе от любви
И горе от ума.

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

* *

*

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять бывшие выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

* *

*

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

* *

*

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепнулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

* *
*

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтара,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

* *

*

Сняла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас, за песню твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

* *

*

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски-задумчивый взор!
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор!

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, —
То кулик простонал или суч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, —
И не пужно речей, ни огней, ни очей, —
Мне дыхание скажет, где ты.

Р Я Б И Н А

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде,

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнутья да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась...

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенье
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И души одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

* *
*

Зарею обновления
В моей ночи взошла любовь твоя,
В ней стали ясны мне и мир, и жизнь моя,
Их смысл, и сила, и значенье.

В ней, как в сиянии дня,
Я увидал, что истинно, что ложно,
Что жизненно, что призрачно, ничтожно
Во мне и вне меня.

Когда я сердцем ощутил биенье,
Которым сердце билось твое,
В нем мира целого вместилось бытие,
Все радости людей, тревоги и стремленья.

О свет всевоскрешающей любви!
Ты дал на дело мне и на страданье силы.
Веди меня сквозь мрак моей живой могилы
И к делу жизни вновь могучим призови!

* *
*

Ведь только строчка лишь одна:
Узнать, что ты жива,
Что ты здорова и ясна:
Всего лишь слова два, —

И все вокруг меня светло,
И счастлив я опять,
И все, что бременем легло,
Могу я презирать.

ТИХИЙ АНГЕЛ

Кипел меж нами спор ужасный
И бурно речь гостей текла,
Когда ты к нам с улыбкой ясной,
С приветным взором подошла.

Вдруг спор замолк. Прервать молчанья
Никто как будто бы не смел;
И думал я в очарованьи:
«Здесь тихий ангел пролетел!»

* *
*

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой,
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал
И сердца полным господином
Против соблазнов устоял.

Я ваш, друзья, — хочу быть вашим,
На труд и битву я готов, —
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов.
Но если нет, — мое презренье
Меня далёко оттолкнет
От тех кружков, где словопренье
Опять права свои возьмет.
И сгину ль я в тоске безумной
Иль в мире с пошлостью людской, —
Все лучше, чем заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я, — работа наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минёт святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.

* *
*

Пуškai умру — печали мало,
Одно страшит мой ум больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

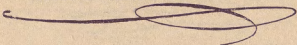
Боюсь, чтоб над холодным трупом
Не пролилось горячих слез,
Чтоб кто-нибудь в усердьи глухом
На гроб цветов мне не принес,

Чтоб бескорыстною толпою
За ним не шли мои друзья,
Чтоб под могильною землею
Не стал любви предметом я,

Чтоб все, чего желал так жадно
И так напрасно я живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.

И. И. ПАЛЬМИН

РЕКВИЕМ

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

ОМУЛЕВСКИЙ (И.В.ФЕДОРОВ)

* *
*

Светает, товарищ!..
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...

Работай руками,
Работай умом,
Работай без усталы
Ночью и днем!

Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет;
Не бойся, что дум твоих
Мир не поймет...

Работай лишь с пользой
На ниве людей
Да сей только честные
Мысли на ней;

А там уж что будет,
То будет пускай...
Так ну же, работать мы
Дружно давай —

Работать руками,
Работать умом,
Работать без усталы
Ночью и днем!

* *

*

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял все, дитя несчастья!
Я все простил и все забыл.

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

(1826 год)

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!

Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим —

Счастливно молодость моя
 Прошла в стенах твоих,
 Твои беды любила я,
 Катанья с гор крутых,
 Любила плеск Невы твоей
 В вечерней тишине,
 И эту площадь перед ней
 С героем на коне...

VI

Мне не забыть... Потом, потом
 Расскажут нашу быль...
 А ты будь проклят, мрачный дом,
 Где первую кадрили
 Я танцевала... Та рука
 Досель мне руку жжет...
 Ликуй...
 0

Покоен, прочен и легок,
 Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
 Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
 Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
 Свища бичом, крича: «нади!»

Ямщик столицу миновал...
 Далеко княгине путь лежал.

Была суровая зима...
 На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей, —

Сказал княгине секретарь: —
Не едит так и государь!...»

* *
*

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога все трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом — львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красоты.
Пришел папаша — сед, румян, —
К гостям ее зовет.
«Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!»
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.

Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблуки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них савовники, послы,
Весь модный свет у них...
«О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?»
— Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем!

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную, как смоль,
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неузнатенный, бодрый ум
Работает меж тем...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!

Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
Зонтообразных пинн...
Княгине памятливы те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грёз,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забытой богом стороны:
— Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
— С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандалный звон!
— Эй, кучер, погоди! —
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь,
Княгиня деньги им даст, —
«Спасибо, добрый путь!»

Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

* *

*

Мороз сильней, пустынной путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаёк от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй, вы!» и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево — темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
Бог знает почему,
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,

А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

* *
*

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К Сенатской площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...

Стоял уж там Московский полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...

Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуя взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то brave генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.
Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
«Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «па-ли!...»
...О, милый, жив ли ты?
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты.

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,

У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибое волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;

Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старый и седой,
Усатый инвалид —
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит: —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею — он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу и страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?...» — Не ходи,
Не тронешь палача!
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?...»
— Наивен твой вопрос.

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнес...

Княгиня вздрогнула — глядит
 Испуганно кругом,
 Ей ужас сердце леденит:
 Не всё тут было сном!..
 Луна плыла среди небес
 Без блеска, без лучей,
 Налево был угрюмый лес,
 Направо — Енисей.
 Темно! Навстречу ни души,
 Ямщик на козлах спал,
 Голодный волк в лесной глуши
 Пронзительно стонал,
 Да ветер бился и ревел,
 Играя на реке,
 Да инородец где-то пел
 На странном языке,
 Суровым пафосом звучал
 Неведомый язык,
 И пуще сердце надрывал,
 Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
 Мороз был нестерпим,
 Упали силы; ей невмочь
 Бороться больше с ним.
 Рассудком ужас овладел,
 Что не доехать ей.
 Ямщик давно уже не пел,
 Не понукал коней,
 Передней тройки не слышать,
 «Эй! жив ли ты, ямщик?
 Что ты замолк? не вздумай спать!»
 — Не бойтесь, я привык...

Летят... Из мерзлого окна
 Не видно ничего,
 Опасный гонит сон она,
 Но не прогнать его!

Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком, —
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да это юг! да, это юг!» —
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Все солнцем залито, — на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует все вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдаль,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь занесен топаз
По белым их хребтам...
Вот выучный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,

За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон.)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А все конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал,

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня

(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.

Дорога наша так дурна,

Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...

Уж недалек мой путь...

Губернатор

Все ж будет верст до восьмисот,

А главная беда:

Дорога хуже тут пойдет,

Опасная езда!..

Два слова нужно вам сказать

По службе, — и при том

Имел я счастье графа знать,

Семь лет служил при нем.

Отец ваш редкий человек

По сердцу, по уму,

Запечатлев в душе навек

Признательность к нему,

К услугам дочери его

Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!

(Отворяя дверь в сени.)

Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,

Его не подадут...

Княгиня
Так прикажите ж! Я прошу..
Губернатор
Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня
Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?
Губернатор
Да-с, было бы верней.

Княгиня
Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он все устроил сам!

Губернатор
Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня
Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор
Нет! Я еще не приказал..
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил..
Вернитесь поскорей!

Княгиня
Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,

Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки,
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить.
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из поздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..

Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да вы, умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Лета мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих.
А с вами?... с вами не знаять
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других!
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил.

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..

Там местъ нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и туших,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забуть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? и кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что́ станется с женой,
Увлёкся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!

Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И, если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

* *
*

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
— Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок? —
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
«До завтра» — и ушел...

* *
*

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: «Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..»
— Да что же мне еще терять?

«За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!»
Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
— У вас седая голова,
А вы еще дитя!

Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

* *

*

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Труднеек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет, я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...

Велите ж партию собирать —
Иду! мне все равно!..

* *

*

«Нет! вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза: —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал все, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плéчах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(Отворяя дверь, кричит.)
Эй, запрягать, сейчас!»

Стр. 11

ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич (1783—1852) — один из основоположников романтизма в русской поэзии.

Дружба (стр. 11)

Перунами разбитый — разбитый молнией. Перун — по верованиям древних славян, бог грома и молнии.

Стр. 13

БАТЮШКОВ Константин Николаевич (1787—1855) — поэт-романтик.

К Дашкову (стр. 13)

Стихотворение написано в 1812 году под впечатлением посещения разрушенной наполеоновскими войсками Москвы.

Дашков Дмитрий Васильевич — приятель Батюшкова, литератор, активный участник дружеского литературного кружка начала XIX в. «Арзамас».

Перси (старославянск.) — грудь.

Инок — монах.

Цевница — свирель.

Армида — волшебница, красавица, героиня поэмы итальянского поэта XVI в. Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Ее имя употреблялось как нарицательное для кокетливой красавицы.

Цирцея — героиня древнегреческого эпоса «Одиссея», волшебница, которая красотой и чарами заманивала путешественников на свой остров.

Пока с израненным героем... — Батюшков направлялся в действующую армию как адъютант раненного в Бородинском сражении генерала А. Н. Бахметьева.

Хариты, или грации, — в древнегреческой мифологии — сестры, богини женской красоты и изящества.

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799—1837).

К Чаадаеву (стр. 16)

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — философ, близкий друг Пушкина.

К***

Стихотворение обращено к А. П. Керн (1800—1879) — петербургской знакомой Пушкина, с которой он вновь случайно встретился в Михайловском, где находился в ссылке.

19 октября (стр. 19)

19 октября 1814 года — день учреждения Лицея, закрытого учебного заведения для дворянских детей в Царском Селе, под Петербургом. В Лицее учился Пушкин. После окончания Лицея бывшие лицеисты первого (пушкинского) выпуска ежегодно отмечали день 19 октября дружеским печером.

Стихотворение Пушкина написано в 1825 году, когда поэт находился в ссылке в Михайловском.

Келья — комната, в которой живет монах; в переносном значении — скромное жилище уединившегося от мира человека.

Вотще (старославянск.) — напрасно.

Кудрявый наш певец... — Строфа посвящена Н. А. Корсакову, лицейскому товарищу Пушкина, умершему в 1820 году в Италии.

Сидишь ли ты... — В этой и следующих строфах речь идет о Матюшкине. Матюшкин Федор Федорович (1799—1872) — товарищ А. С. Пушкина по Лицею, моряк, позднее — адмирал, участник нескольких кругосветных путешествий.

Пуцин Иван Иванович (1798—1859) — близкий друг Пушкина, декабрист, был сослан в Сибирь. Пуцину посвящено еще одно стихотворение Пушкина, написанное после разгрома восстания декабристов. О своем посещении Пушкина в Михайловском Пуцин оставил воспоминания.

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — товарищ Пушкина по Лицею, позднее выдающийся русский дипломат XIX века.

Пермесские девы (миф.) — музы. Пермес — река в Греция, посвященная музам.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — друг Пушкина, поэт.

Вильгельм — Кюхельбекер Вильгельм Карлович (См. примеч. к стр. 39).

Послание в Сибирь (стр. 24)

Стихотворение написано в 1827 году и обращено к сосланным на каторгу декабристам, среди которых было много друзей и знакомых Пушкина. Стихотворение было переслано декабристам через А. Г. Муравьеву, последовавшую в Сибирь за мужем.

„Не пой, красавица, при мне...“ (стр. 25)

Стихотворение написано в 1826 году. О создании этого стихотворения М. И. Глинка писал в своих воспоминаниях: Грибоедов «был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс «Не пой, красавица, при мне...»

Предчувствие (стр. 26)

Стихотворение написано в 1828 году, когда Пушкин ожидал новой ссылки за свои вольнолюбивые и атеистические стихи.

Зимнее утро (стр. 28)

Аврора — по древнеримской мифологии, богиня утренней зари.

Стр. 37

РЫЛЕЕВ Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, один из вождей декабристов; после подавления восстания 14 декабря 1825 года казнен.

Стр. 39

КЮХЕЛЬБЕКЕР Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт, декабрист, друг А. С. Пушкина, товарищ его по Лицею; после подавления восстания 14 декабря 1825 года приговорен к каторге и поселению в Сибирь. Умер в ссылке.

19 октября 1836 года (стр. 39)

Это стихотворение, написанное в ссылке, Кюхельбекер послал в письме к Пушкину.

Назон — Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский поэт; был сослан императором Октавиусом Августом на берег Черного моря.

Пейпус — эстонское название Чудского озера.

Торкватовой судьбой... — Торквато Тассо (1544—1595), великий итальянский поэт, вследствие придворных интриг до конца жизни терпел гонения.

Стр. 41

ОДОЕВСКИЙ Александр Иванович (1802—1839) — поэт, декабрист. За участие в восстании 14 декабря 1825 года был приговорен к каторге в Сибири. Через десять лет, после настойчивых ходатайств родных, его перевели в кавалерийский полк на Кавказ.

М. Н. Волконской (стр. 41)

Стихотворение посвящено женам декабристов, добровольно последовавшим за ними в Сибирь. М. Н. Волконская — жена С. Г. Волконского. Стихотворение написано в день ее рождения.

Ответ на послание Пушкина (стр. 42)

Стихотворение является ответом на послание Пушкина декабристам «Во глубине сибирских руд...». Строка из этого ответа: «Из искры возгорится пламя!» — была взята В. И. Лениным в качестве эпитафии к газете «Искра».

Стр. 43

Бард — в середине века народный певец кельтских племен в Ирландии, Уэльсе, Шотландии; в поэзии употребляется в значении «поэт».

БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ Александр Александрович (1797—1837) — декабрист, писатель и поэт-романтик. После подавления восстания 14 декабря 1825 года приговорен к каторге, замененной ссылкой. В 1829 году был переведен рядовым в армию на Кавказ. Погиб в стычке с горцами.

Стр. 44

ДАВЫДОВ Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, герой-партизан Отечественной войны 1812 года.

Стр. 46

ВЯЗЕМСКИЙ Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, близкий друг А. С. Пушкина.

Стр. 48

ДЕЛЬВИГ Антон Антонович (1798—1831) — поэт, один из ближайших друзей А. С. Пушкина, его товарищ по Лицею. К Дельвигу обращен ряд стихотворений Пушкина.

Н. М. Языкову (стр. 48)

Языков Николай Михайлович. Дельвинг первый заметил и оценил в юноше незаурядный поэтический талант.

Париасские высоты... — Париас — гора в Греции, служившая, по древнегреческой мифологии, местопребыванием бога солнца и искусств Аполлона и муз.

Амур — по древнеримской мифологии, бог любви.

Камены — в древнеримской мифологии богини — покровительницы наук и искусств.

Певец Пиров — Е. А. Баратынский — автор поэмы «Пир».

Стр. 50

ВЕНЕВИТИНОВ Дмитрий Владимирович (1805—1827) — поэт-критик, философ-идеалист, музыкант, художник.

К моему перстню (стр. 50)

Веневитинов был безнадежно влюблен в княгиню Зинаиду Волконскую, одаренную музыкантшу, художницу и писательницу, литературный салон которой посещали крупнейшие деятели искусства и литературы. Волконская подарила Веневитинову, когда тот уезжал в Петербург, перстень, открытый при раскопках древнеримского города Геркуланума, разрушенного и засыпанного пеплом во время извержения Везувия. Веневитинов завещал, когда он умрет, положить его в гроб с перстнем на руке. Эта просьба поэта была исполнена его друзьями.

Стр. 52

БАРАТЫНСКИЙ Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт. Пушкин высоко ценил талант Баратынского. «Баратынский, — писал он, — принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит».

Дельвигу (стр. 52)

Печальный срок... — Знакомство Баратынского с Дельвингом произошло в 1818 году, когда поэт, исключенный из Пажеского корпуса, вынужден был поступить на военную службу рядовым.

Ты ввел меня в семейство добрых муз... — Через Дельвига Баратынский познакомился с Пушкиным и другими петербургскими литераторами.

Фортуна — судьба, счастье, удача. По древнеримской мифологии, Фортуна — богиня судьбы.

С. Л. Энгельгардт (стр. 54)

Энгельгардт Софья Львовна — свояченица (сестра жены) Баратынского.

Стр. 55

ЯЗЫКОВ Николай Михайлович (1803—1846) — поэт-романтик. Стихи Языкова высоко ценил А. С. Пушкин. В 1820-е годы в его лирике были сильны вольнолюбивые мотивы.

Пловец (стр. 55)

Стихотворение во второй половине XIX века и в начале XX было одной из самых популярных песен революционного и демократического студенчества.

Помужествуем — поборемся.

Стр. 56

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (1814—1841).

„Спеша на север из далёка...“ (стр. 56)

Алла, или аллах, — имя бога в мусульманской религии.

Кивжал (стр. 57)

Лилейная — нежная и белая, как лилия.

Памяти А. И. Одоевского (стр. 59)

Стихотворение посвящено поэту-декабристу А. И. Одоевскому, с которым Лермонтов познакомился на Кавказе.

„Как часто пестрою толпою окружен...“ (стр. 61)

Стихотворение написано под впечатлением новогоднего бала-маскарада в Дворянском собрании, на котором присутствовали царские дочери. Оно явилось одной из причин новой ссылки поэта на Кавказ.

Стр. 65

КОЛЬЦОВ Алексей Васильевич (1809—1842) — выдающийся русский поэт. Стихи его близки к устному народному творчеству. Многие из них стали народными песнями.

Стр. 71

ДУРОВ Сергей Федорович (1816—1869) — поэт, писатель, критик; участник революционного кружка Петрашевского. Дуров был организатором литературных собраний, которые посещали Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, А. И. Палэм и другие. На собраниях читались революционные и вольнолюбивые произве-

дения, в том числе знаменитое «Письмо к Гоголю» Белинского. Эти произведения члены кружка пытались распространять нелегальным путем в списках. Каторжные работы, к которым Дуров был приговорен после разгрома кружка, совершенно подорвали его здоровье, но он до смерти сохранил революционные убеждения.

Стр. 73

ПЛЕЩЕЕВ Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт-петрашвец.

«Вперед! без страха и сомненья...» (стр. 73)

Стихотворение выражает идеалы петрашевцев и было очень популярно в их среде. Позднее Добролюбов отметил стихотворение как «смелый призыв, полный такой веры в себя, веры в людей, веры в лучшую будущность». Чернышевский называл его «прекрасным гимном».

В 1840—1850-х годах стихотворение было популярной песней среди передовой молодежи.

Стр. 75

ОГАРЕВ Николай Платонович (1813—1877) — поэт, революционер, ближайший друг и соратник А. И. Герцена.

Ségénade (стр. 75)

Ségénade — серенада, вечерняя песня под окном возлюбленной.

Настоящее стихотворение является переводом стихотворения немецкого поэта Л. Рельштаба (1799—1860), положено на музыку известным австрийским композитором-романтиком Ф. Шубертом (1797—1828).

Крейцнах. 8 августа (стр. 76)

Стихотворение написано в 1843 году в немецком городе Крейцнахе.

Сати и Николай Михайлович (1814—1873) — друг Герцена и Огарева.

Первая дружба (стр. 77)

Стихотворение посвящено воспоминанию о начале дружбы с Герценом. Об этом же эпизоде рассказал Герцен в «Былом и думах»: «Мы... взбежали на место закладки Витбергова храма на Воробьевых горах.

Занывавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стался на необозримое

пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу.

Сцена эта может показаться очень натянутой, очень театральной, а между тем через двадцать шесть лет я тронут до слез, вспоминая ее, она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша».

Д е н и ц а — утренняя зоря.

Стр. 80

ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (1818—1883).— Стихи Тургенева известны менее его прозы, но в творчестве писателя они занимают заметное место. Первым напечатанным произведением Тургенева была поэма «Параша», вызвавшая положительный отзыв В. Г. Белинского.

Ряд стихотворений Тургенева, в том числе «Утро седое», положены на музыку и стали популярными романсами.

Стр. 82

ТЮТЧЕВ Федор Иванович (1803—1873)—поэт-философ. Его стихотворения были с восторгом встречены Пушкиным, который напечатал их в своем журнале «Современник».

„Весь день она лежала в забытьи...“ (стр. 85)

Посвящено воспоминаниям о последних минутах Е. А. Денисьевой, многолетней и глубокой любви поэта.

Стр. 86

МАЙКОВ Аполлон Николаевич (1821—1897).— Лучшие стихи Майкова посвящены природе и душевным переживаниям человека. Стихотворение «Весна» («Весна, выставляется первая рама»), «Сенокос» («Пахнет сеном над лугами») и другие вошли в хрестоматии. На его тексты написано много романсов.

Стр. 88

ТОЛСТОЙ Алексей Константинович (1817—1875)—поэт, писатель, драматург, автор многочисленных лирических стихотворений, исторических баллад, романа из эпохи Ивана Грозного «Князь Серебряный», ряда пьес. На тексты многих стихотворений поэта написаны лучшие романсы П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова и других композиторов.

„Гаснут дальней Альпухарры...“ (стр. 91)

Серенада Дон-Жуана из драматической поэмы А. К. Толстого «Дон-Жуан».

Стр. 93

М Е И Лев Александрович (1822—1862) — поэт-лирик, драматург, переводчик. Наибольшей известностью пользуется его историческая драма «Царская невеста», на сюжет которой Н. А. Римский-Корсаков написал одноименную оперу.

Лицейстам (стр. 93)

Л. А. Мей получил образование в Царскосельском лицее, который в свое время окончил А. С. Пушкин.

В Лицее сложилась прочная традиция культа дружбы лицестов и любви к литературе, которую старались поддерживать учащиеся всех выпусков.

При кликах лебединых... — цитата из строфы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, в которой говорится о Лицее (глава восьмая, строфа I).

Стр. 95

ПАВЛОВА Каролина Карловна (1807—1893) — писательница, поэтесса, переводчица.

10-го ноября 1840 (стр. 95)

Стихотворение обращено к великому польскому поэту Адаму Мицкевичу.

Высланный из Польши в Россию за участие в патриотическом кружке, Мицкевич в 1827 году преподавал Павловой польский язык. Молодые люди полюбили друг друга. 10 ноября произошло решительное объяснение, Мицкевич сделал предложение своей ученице, и она ответила согласием стать его женой. Но родственники Павловой воспротивились этому браку: есмьный поэт-бедняк не казался им «подходящей партией». Полтора года спустя Мицкевич уехал за границу, и они с Каролиной Павловой более не встречались. Но память об этой любви осталась в стихотворении Мицкевича и в стихах Павловой.

Стр. 96

ПОЛОНСКИЙ Яков Петрович (1819—1898) — поэт, автор стихотворений «Песнь цыганки» («Мой костер в тумане светит»), «Затворница» («В одной знакомой улице») и других, ставших

популярными песнями. Многие его стихотворения положены на музыку П. И. Чайковским, А. Г. Рубинштейном и другими русскими композиторами.

Из Бурдильёна (стр. 96)

Бурдильён — малоизвестный английский поэт второй половины XIX века.

Узница (стр. 97)

Стихотворение является откликом на дело революционерки-народницы В. И. Засулич, которую судили за покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова.

Н. А. Грибоедова (стр. 98)

В 1840-х годах, служа в Тифлисе, Полонский познакомился с вдовой Грибоедова, Ниной Александровной, дочерью грузинского поэта А. Г. Чавчавадзе. Грибоедова свято чтит память трагически погибшего мужа, создателя комедии «Горе от ума». Под впечатлением ее рассказов Полонский тогда же сделал первый набросок много лет спустя (в 1879 году) дописанного стихотворения «Н. А. Грибоедова».

Стр. 105

ФЕТ Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — поэт, тонкий мастер пейзажной и любовной лирики. Многие стихи Фета положены на музыку русскими композиторами.

Стр. 110

СУРИКОВ Иван Захарович (1841—1880) — поэт из народа. Суриков прожил тяжелую, полную труда и лишений жизнь: он был «мальчиком» в лавочке, торговал железным ломом и тряпьем, работал переписчиком, наборщиком и только урывками мог заниматься поэзией. В своих стихах Суриков описывал жизнь простого народа, трудовой бедноты.

Некоторые стихотворения Сурикова — «Рябина», «Сиротой я росла», «Я ли в поле да не травушка была» — получили широкое распространение как песни.

Стр. 112

МИХАЙЛОВ Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт, переводчик, публицист, революционный демократ, соратник Н. Г. Чер-

нышевского и Н. А. Добролюбова. В 1861 году был сослан царским правительством на каторгу, где и погиб.

„Крепко, дружно нас в объятья...“ (стр. 112)

Стихотворение написано в 1861 году в Петропавловской крепости, когда поэт ожидал приговора, и является ответом на обращенное к нему стихотворение студента Петербургского университета И. А. Рождественского, также находившегося тогда в заключении за участие в студенческих волнениях.

Впервые напечатано в герценовском «Колоколе». Стало популярной студенческой песней.

Стр. 114

ДОБРОЛЮБОВ Николай Александрович (1836—1861) — критик, революционный демократ; наряду со статьями писал лирические, агитационные и сатирические стихи.

„Еще работы в жизни много...“ (стр. 114)

Пилигрим — странник, путник.

Святая чаша — здесь: страдание и гибель за свои идеалы.

Стр. 116

ПАЛЫИИ Иллесдор Иванович (1841—1891) — поэт-демократ, сотрудник передового сатирического журнала 1860-х годов «Искра».

Реквием (стр. 116)

Реквием — траурное музыкальное произведение.

Передовая, революционно настроенная молодежь относилась к осужденным царским судом народникам. В 1870-х годах стихотворение стало революционной песней.

Стр. 117

ОМУЛЕВСКИЙ (ФЕДОРОВ) Иннокентий Васильевич (1837—1888). — Родился в г. Петропавловске-на-Камчатке, там же прошли его детские и юношеские годы. Большое влияние на него оказали ссыльные революционеры. Окончательно мировоззрение Омупевского сложилось под влиянием революционеров-демократов 1860-х годов, особенно Чернышевского и Писарева. За роман «Попытка — не шутка», в котором содержались «недозволенные отзывы» о правительстве, был заключен в Петропавловскую крепость.

„Светает, товарищ!“ (стр. 117)

Это стихотворение стало популярной революционной песней.

Стр. 118

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич (1821—1877).

Княгиня Трубецкая (стр. 119)

С героем на коне... — Сенатская площадь, теперь площадь Декабристов, с памятником Петру Первому работы скульптора Фальконе.

Досель мне руку жжет... — Трубецкая вспоминает о бале в Зимнем дворце, на котором ей пришлось танцевать с Николаем I.

В крестах — в орденах, которыми награждало царское правительство.

Плюм á ж — украшение из перьев на военном головном уборе.

Ватикáн — грандиозный дворец-музей в Риме, принадлежащий католической церкви. В Ватикане живет глава католической церкви — папа римский.

Пíнины — пинии; особая порода сосен, растущих в Италии.

Кура́нты — часы с музыкой.

Песком посыпанный листок... — В то время для пресушивания чернил исписанный лист бумаги посыпали песком.

Знакомый с бурями француз. — Очевидно, свидетель событий французской буржуазной революции 1789 года.

Куафё́р — парикмахер.

Ка́ре — построение войск в форме четырехугольника для отражения атаки со всех четырех сторон.

Бригади́р — военный чин в царской армии, средний между полковником и генералом.

Присла́на бума́га... — царское предписание, обязывавшее местные власти всячески воздействовать на жен декабристов, чтобы побудить их отказаться от решения ехать к мужьям.

Там люди редки без кле́йма. — В царской России до 1863 года на теле каторжников выжигались или вырезались особые знаки или буквы (кле́йма).

Ва́рни́к — беглый каторжник.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Д. Б л а з о в. И жизнь, и слезы, и любовь . . .	5
--	---

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Дружба	11
К ней : : : : :	—
Воспоминание	12

К. Н. БАТЮШКОВ

К Дашкову	13
Мой гений	15

А. С. ПУШКИН

К Чаадаеву («Люби, надежды, тихой славы...»)	16
Коварность	17
Сожженное письмо	—
Желание славы	18
К*** («Я помню чудное мгновенье...»)	19
19 октября	—
«Все в жертву памяти твоей...»	24
И. И. Пущину	—
Послание в Сибирь	—
Ты и мы	25
«Не пой, красавица, при мне...»	—
Предчувствие	26
«Город пышный, город бедный...»	27
Цветок : : : : :	—
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	—
Зимнее утро	28
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	29
Элегия	—
Прощание	—
«Для берегов отчизны дальной...»	30
«Чем чаще празднует Лицей...»	31
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»	32

Письмо Татьяны к Онегину (Отрывок из «Евгения Онегина»)	32
Письмо Онегина к Татьяне (Отрывок из «Евгения Онегина»)	34

К. Ф. РЫЛЕЕВ

«Я не хочу любви твоей...»	37
--------------------------------------	----

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

19 октября 1836 года	39
--------------------------------	----

А. Н. ОДОВСКИЙ

М. Н. Волковской («Был край, слезам и скорби посвященный...»)	41
Ответ на послание Пушкина («Струн вещей пламенные звуки...»)	42

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

«Я за морем синим, за синею далью...»	43
---	----

ДЕНИС ДАВИДОВ

И моя звездочка	44
Вальс : : :	45
«Унеслись невозвратимые...» : : :	—

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

К ней («Ты — светлая звезда таинственного мира...»)	46
Друзьям : : : : :	—

А. А. ДЕЛЬВИГ

Н. М. Языкову	48
Романс : : :	49

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

К моему перстию	50
---------------------------	----

В. А. БАРАТЫНСКИЙ

Дельвигу	52
Размолвка :	53
Она	—
С. Л. Энгельгардт	54
«Когда, дитя и страсти и сомненья...»	—

Пловец	55
------------------	----

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

«Спеша на север из далёка...»	56
Кинжал : : :	57
«Слышу ли голос твой...»	58
«Как небеса твой взор блистает...»	—
«Она поет — и звуки тают...»	59
Памяти А. И. Одоевского	—
«Как часто, нестрою толпою окружен...»	61
И скучно и грустно	62
Отчего	63
Утес	—
«Выхожу один я на дорогу...»	64

А. В. КОЛЬЦОВ

Песня («Если встречу с тобой...»)	65
Песня («Ты не пой, соловей...»)	66
Последний поделуй	67
Русская песня («Так и рвется душа...»)	68
Разлука	—
Русская песня («Не весна тогда...»)	69
Русская песня («В поле ветер веет...»)	70

С. Ф. ДУРОВ

Роза и Кипарис	71
Портрет	—
«Жаркое чувство любви ненадолго в душе остается...» : : :	72
«Смотришь порой на нее, а мечтается — смот- ришь на небо...»	—
«С невыразимым наслаждением...»	—

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

«Вперед! без страха и сомнения...»	73
--	----

Н. П. ОГАРЕВ

Sérénade	75
Крейцмах. 8 августа	76
Первая любовь	77

Первая дружба	77
Памяти Рылеева	78

И. С. ТУРГЕНЕВ

К*** («Через поля и холмам тенистым...») . . .	80
«Утро туманное, утро седое...»	81

Ф. И. ТЮТЧЕВ

«Я помню время золотое...»	82
«Еще томлюсь тоской желаний...»	83
«День вечереет, ночь близка...»	—
«Чему молилась ты с любовью...»	84
Последняя любовь	—
«Весь день она лежала в забытии...»	85
«Как ни бесилося злоречье...»	—

А. Н. МАЙКОВ

«О чем, в тиши ночей...»	86
Под дождем	—
«Люблю, если, тихо к плечу моему головой при- слонившись...»	87

А. К. ТОЛСТОЙ

«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...» . .	88
«Ты клонишь лик, о нем упоминая...»	—
«Средь шумного бала, случайно...»	89
«Не ветер, вея с высоты...»	—
«Коль любить, так без рассудку...»	90
«Смеркалось, жаркий день бледнел неуволимо...»	—
«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...» . .	—
«Когда кругом безмолвен лес дремучий...» . .	91
«Гаснут дальней Альпухарры...»	—
«То было раннею весной...»	92

Л. А. МЕЙ

«Не знаю, отчего так грустно мне при ней?...» .	93
Лицейстам	—

КАРОЛИНА ПАВЛОВА

10-го ноября 1840	95
-----------------------------	----

Я. И. ПОЛОНСКИЙ

Из Бурдильёна	98
Ночь в Крыму	—
Узница	97
Н. А. Грибоедова	98

А. А. ФЕТ

«На заре ты ее не буди...»	104
«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»	105
«Облаком волнистым...»	—
«Я пришел к тебе с приветом...»	—
«Шепот, робкое дыханье...»	106
«Снята ночь, Луной был полон сад. Лежали...»	107
«Только в мире и есть, что тенистый...»	—
«Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть...»	108

И. З. СУРНЕВ

Рябина	109
------------------	-----

М. Л. МИХАЙЛОВ

«Крепко, дружно нас и объятья...»	111
«Зарею обновления...»	112
«Ведь только строчка лишь одна...»	—

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Тихий ангел	113
«Еще работы в жизни много...»	—
«Пускай умру — печали мало...»	114

И. И. ПАЛЬМИН

Реквием	115
-------------------	-----

ОМУЛЕВСКИЙ (И. В. ФЕДОРОВ)

«Светает, товарищ!..»	116
---------------------------------	-----

Н. А. НЕКРАСОВ

«Когда из мрака заблужденья...»	117
Княгиня Трубецкая. (Из поэмы «Русские женщины»)	118
Примечания	143

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для средней школы

О ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ

Сборник

Оформление С. В. Телигatera.

Ответственный редактор Э. М. Лемперт.
Художественный редактор Е. М. Гурьева.
Технический редактор Г. В. Перцева.

Корректоры

В. К. Рывкина и К. П. Тягелская.
Сдано в набор 8/1 1964 г. Подписано к печати
19/III 1964 г. Формат 84×108¹/₃₂ — 5 печ. л.
8,2 усл. печ. л. (6,98 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз.
ТП 1964 № 173. Цена 30 коп.

Издательство «Детская литература»
Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги № 1.
Москва, Оущевский вал, 49. Заказ № 44.

Цена 30 коп.

